

П. А. К у л и шъ.

ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ

О ТЪ

П О Л Ь Ш И

(1340—1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

М О С К В А.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1888.

Г л а в а XI.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими союзами.—Связь между Московскими и Польскими разореніями.—Главныя действующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.

У нашихъ днѣпровскихъ козаковъ, по ихъ инстинктамъ, было больше общаго съ Татарами, нежели съ какою-либо частью польско-русскаго населенія Малороссіи.

Мы видѣли, что польские короли поступали съ козаками такъ, какъ поступали древніе русскіе князья съ дикими обитателями пустынь, лежавшихъ за рѣкой Росью съ правой стороны Днѣпра и за рѣкой Сулою—стъ лѣвой; именно: привлекали ихъ себѣ на службу, какъ и другихъ иночлененныхъ ордыщевъ.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатами противъ европейской гражданственности заставилъ польское правительство ухаживать за двумя измѣнниками своими, Евстаѳіемъ Дацкевичемъ и Димитриемъ Вишневецкимъ. Тотъ же страхъ приуждалъ Польшу платить Татарамъ *тарачъ* и вооружать хана противъ пизовой волынцы для очистки отъ нее запорожскихъ пустынь.

Съ своей стороны козаки, называя пановъ неблагодарными, старались ладить съ Крымцами, и чуть было не поступили на службу къ хану подъ предводительствомъ Самуила Зборовскаго, назвавшагося ханскимъ сыномъ. Раздраженные памѣрцемъ польско-русскихъ властей взять ихъ въ крѣпкія руки, и обманувшись въ расчетахъ на Татаръ, они пытаются воспровергнуть пановъ собственными силами, съ помощью наконившагося въ безглавомъ обществѣ разбойного элемента. Но, когда домашнія средства оказались недостаточными, козаки служить крымскимъ ханамъ, въ ихъ борьбѣ съ турецкимъ господствомъ, и по-старому приглашаютъ Крымцевъ для опустошенія панскихъ владѣній. Паны бываютъ козаковъ на уроцищѣ Медвѣжьи Лозы и задабриваются подарками Татаръ. Козаки снова служить хану, подъ предводительствомъ Дорошенка. Снова паны бываютъ ихъ, въ Переяславль, и разлучаются съ Крымцами посредствомъ подарковъ. Въ

Изъ „Членій“ Импераціорскаго Общества Исторіи и Древностей Российской при Московскомъ Университетѣ.

1637 и 1638 годахъ со стороны козаковъ повторяется та же попытка привлечь Татаръ къ совмѣстному набѣгу на панскія имѣнія, а со стороны пановъ отираются къ хану возы кожуховъ, жупановъ, саноговъ и денежной дани.

Тяжелые вздохи, съ которыми козаки слушали на Масляномъ Ставу евангельскія вѣщанія проповѣдника, присланного Петромъ Могилой, не замедлили сдѣлаться у нихъ волчьимъ воемъ и медвѣжимъ ревомъ, а когда яростъ побѣденныхъ панскихъ оружіемъ стихла, они вернулись къ той мысли, которая поддерживала ихъ бунты со временія Косинского: стали въ десятый разъ искать своего торжества надъ панами въ татарской помощи. Долго выжидали они благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Но Польша жила въ согласіи съ Москвою; Конецпольскій отражалъ козацкіе набѣги могущественно, и въ 1644 году поразилъ Крымцевъ подъ Охматовымъ такъ сильно, какъ будто воскресъ измѣненный имъ панскій козакъ, Стефанъ Хмелецкій.

Наконецъ „перекопскимъ царемъ“ сдѣлался Исламъ-Гирей, про-
веденій всю молодость въ польскомъ и турецкомъ плѣну. Это былъ
дикій фанатикъ магометанства, надменный своимъ родомъ, который, по
его взгляду, былъ выше султанскаго. Козаки, врачаясь по своимъ инте-
ресамъ въ магометанскомъ сосѣдствѣ, знали его съ той стороны,
которая была имъ на-руку, и обратились къ нему съ предложениемъ
своего подданства, лишь бы онъ помогъ имъ одолѣть „Ляховъ“. Но
Исламъ-Гирей презиралъ христіанъ вообще, смотрѣлъ на нихъ, какъ
на существа низшія, и если входилъ съ ними въ договоры, то лишь
для того, чтобы ихъ обмануть, какъ чловѣкъ обманывать животныхъ.
Предложеніе днѣпровскихъ джауровъ было имъ гордо отвергнуто. Это
козаковъ не остановило. Они, съ своей стороны, презирали мусуль-
манъ, и называли ихъ иоганцами, невѣрными псами. Они Татаръ и
Турокъ цепавидѣли почти столько же, какъ своихъ пановъ; если же,
въ послѣдствіи величались дружбой и братствомъ Крымцевъ, то дѣлали
это въ очищеніи торжества надъ панами и на досаду Москальямъ,
которые долго взвѣшивали, можно ли принять ихъ „подъ высокую
царскую руку“. Отвергнутые въ десятый разъ, козаки терпѣливо ждали
времени, когда интересы „невѣрныхъ псовъ“ соединятся съ ихъ благо-
вѣрными интересами для опустошенія „Христіанской Земли“*),

Между тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиренію козаковъ и Татаръ, пошла успѣшно, что у Конецпольскаго явилась мысль — вымѣстить Кипчакскую Орду совсѣмъ изъ „Таврики“ и заселить Крымъ христіянами. Эту мысль Конецпольскій давно уже обворачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуще-
ствленію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ
свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшился покамѣсть публиковать, въ
виду всеобщаго стремленія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ,
которымъ больше всего мѣшиали мнившіе съ 1638 годомъ козац-
кіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ,
что въ немъ польско-русской республикѣ указывалась необходимость
искренно-ѣвшаго союза съ Московскимъ Царствомъ. Колонизаторъ
малорусскихъ пустынь призывалъ въ московскомъ правительству так-
кія способности къ заселенію новопрѣобрѣтеныхъ земель, что онъ
былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ и изгнаній
изъ него Татаръ. Онъ признавалъ за „Москалями“ также и умѣніе
удержать навсегда въ своею обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно,
считалъ не способными своихъ единоличеніиковъ, Поляковъ. Дѣло
это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно
съ той, что Москва, заявивъ Крымъ, и живя въ такомъ близкому со-
сѣдствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и
козаковъ, и „всю Русь“, но всѣ-таки приходилось съѣхъ къ заключенію,
что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ сосѣдями подо-
зрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели янычаръ испрѣятелей „языч-
никовъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, запи-
малъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью
1645 года послать онъ въ Крымъ искуснаго геометра и рисоваль-
щика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца,
для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей.
Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его вне-
запная смерть открыла свободный ходъ роковому событию, которымъ,
повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти события возмѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ,
которыя сопровождали Московское разореніе. Изъ Московскаго разо-
ренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смуты, послѣдовав-
шихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній
польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

*) Кобзарскія думы называютъ Христіанскую Землю, иначе Святорусскую, Берегомъ, безразлично и Востокъ и Юговостокъ польскихъ владѣній, когда говорятъ о возвращеніи ильиниковъ изъ татарской и турецкой неволи.

вогласиль величайший полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій; значитъ, ие было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненою кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введеніемъ обоихъ государствъ въ широкій планъ христіанской войны съ первѣнными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унастѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Скучая дома подъ опекой клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушенияхъ духовенства было величайшою славою государей и государствъ,— освобожденію христіанского свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, отг҃бивъ сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сияніе полновластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрока напечатлевалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Московію, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и потомъ юношескія грэзы Владислава. Не мало способствовало возрастанию истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу панегирическаго вѣка, на каждомъ шагу высказывали, что провидѣть въ немъ совершиителя подвиговъ могущественной царственности. Назонецъ, его воцареніе въ Польшѣ, прѣтствуемое единодушными восторгами всего народа и блистательная побѣда надъ воеводою Шеинскимъ у Смоленска, по его самомнѣнию, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоламъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестового похода на Турукъ и преподанного ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ первѣнныхъ, король Владиславъ, наперекоръ самому себѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ нашихъ противниковъ церковной уніи. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своемъ вступлѣніи на престолъ, сдѣлывалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавой Сагайдачнаго, приводившіе Турукъ въ отчаяніе подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратовавшіе за сочиненное ими „ломаные вѣры“ на Трубежѣ и на

Лытѣ, ложившіеся одни на другихъ въ Медвѣжихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявшіе цѣлью польскаго рыцарства на Судѣ и окружавшіеся псодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданіемъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластіемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Рость ихъ увеличивалась съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крушенія, основанія которой преподавалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косинскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусству своемъ руинномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошения соотѣйтствовала энергії старшихъ козацкихъ братій; колонизовавшихъ малоруссій пустыни съ быстротой изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣшаго изъ обуздателей козачини, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ строительною,—началась побѣда помадовъ надъ культурниками...

Но возвратимся цѣлью назадъ.

1645 и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благодѣствія, возможнаго для Польши. Европу отглушали не прерывавшіеся третє десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясалы кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала типина, тѣмъ драгоценнѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ея короля. Она это томила. Великие замыслы Владислава IV ограничивались, покрѣпѣсть, заключеніемъ славнаго мира съ Москвой, Турцией и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ роду, и онъ все еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой типины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолѣваютъ встрѣчаемыя затрудненія и постепенно достигаютъ предположенной цѣли. Не обладаетъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великомъ предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, чтѣ было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надо было ею повелѣвать; выправливалъ у нея денегъ, угождалъ вліятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ уничижалъ царственное достоинство свое. Всякій разъ, когда приступалъ онъ въ дѣлу (пишутъ о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполнения; то разомъ начинаяль иѣсколько предпріатій, то впадать въ унылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который созиавалъ себя рожденіемъ для блестательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленіемъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за скончайное царствованіе; называли даже великимъ, по-за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самые отчаянныя плахи. Мысль о Турсцкой войнѣ сдѣлалась паконецъ его манией.

Нѣсколько лѣтъ уже, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки носылки Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ метительныхъ набѣговъ заслонялся бдительными стражами границъ, Конецпольскимъ. Когда донскіе казаки, съ помощью днѣпровскихъ вынисчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портой и надъ Крымцами, — онъ порывался къ винѣ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго цара. Его уносчивое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ пеучай казаковъ къ обильной и просвещенной мѣщанскої жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхояйничавшіе землевладѣльцы не желали воевовать съ Татарами, опасаясь войны съ Турцией, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — надлежаніемъ послѣдствіемъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшию, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожъ, продолжали вторженія, какъ были паконецъ страшно поражены Конецпольскимъ, съ помощью князя Винницкаго, подъ Охматовыми, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благопріятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеция готовились взаимно къ войнѣ, которая должна была быть долголѣтнею и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междуусобныя войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовыми, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король началъ готовиться къ войнѣ, которая долженствовала возгорѣться одновременно съ Турко-Венецианской: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызывалъ инженеровъ и ремесленниковъ изъ-за границы, занасался военными спарядами. Ханъ Исламъ-Гирей присыпалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики высылать универсалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтверждѣнію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и златворной дѣятельности этого сановника исторія видитъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми неизѣтимо уже разболѣлся тогда разслабленный организмъ Королевской Республики. Я представлю только выразительнѣйшія черты зловѣщей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ, но не мажновладчимъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, гражданскимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны противоположныхъ и враждебныхъ между собою партий: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный біографъ его, докторъ Кубаля, говорить, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышавшая жизнь протекала въ тишинѣ и скромности. Надѣя гробомъ, но его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскимъ о ея братѣ, Фирлеѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

На вопросъ апостола: „текетъ ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится отвѣтить здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители запы поддѣлаться подъ самыя благородныя характеры простосердечныхъ Полонусовъ, что нагубное воспитаніе, даваемое ими папскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наилучшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, вышелся добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые со-вѣтили сть тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло первого Лжедимитрія. На-сажденное ими въ польскихъ сердацахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Позонустъ довѣрчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцаренiemъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацъ, состоявшую подъ главнымъ замѣдѣніемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и чтилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохранивъ его „какъ єнницу ока“ и объявляя во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобы его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолинскаго говоритьъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣй“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грекої аптекѣ ядою, отравлявшихъ умы и сердца католического міра, а эти годы соотвѣтствовали тому крушенню нравственности въ москворусскомъ и польско-русскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, въ соединеніи со Малороссіею.

По тогдашней общественной оцѣнкѣ, установленной, какъ въ Австріи, такъ и въ Польши, іезуитами, Юрій Оссолинскій получилъ воспитаніе блестящее. По оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и монаршій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолинскій не зналъ и не понималъ, — можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юнонѣ, передъ вступлениемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Москвичей руссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолинский прежде всего посетил Голландию, которую такъ величодушно силился вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранский, и которая выбрала ему власть на все времена.

войны за свободу совѣтства. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколовившемъ подвигамъ Вильгельма,—и представитель „вольнаго Шляхетскаго Народа“, путешествуя по мѣстамъ, которыхъ Вильгельмъ Оранскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ·богомольничать въ католическихъ церквяхъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедши изъ отрочества, юноша „быть похожъ на клерика“. Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Папы и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный светъ на людей, которые считались лучшими и даже величайшими въ Полышѣ. Въ нихъ Оссолинскій разсказываетъ о характеристической продѣлкѣ, которую онъ сочинилъ самостоителльно, па шестнадцатомъ году жизни, но слушаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ тѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственныя слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжкихъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Опасаясь, чтобы меня, моего chłopca, не ограбили, или не умертили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій вонишка будеть изъ Москвы въ Нидерланды на службу, а меня, какъ знающаго польскій языкъ, уговорилъ въ Сilesie ѣхать съ собою“.

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушать весьма прилежно цѣлый годъ философию, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацию „De optima re publicae statu“, посыпалъ Фландрію, Англію, оттуда перѣѣхалъ во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языке, въ математикѣ и въ краснорѣчіи. Кромѣ того бралъ уроки верховойъ Ѣзды, игры на лютнѣ и танцевъ, изучалъ въ то же время всякія публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Наду, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламаціи. Изъ Наду Ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучати церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ честуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Абраама Бзовскаго, славнаго автора *Церковной Истории*, да какъ отецъ вызывалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣть какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнитарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрий Оссолинский не былъ уже похожъ блѣдною худощавостью на клерика. Теперь онъ чаровалъ всѣмъ глаза прекрасною наружностию и тѣмъ, что называлось тогда *grandezza*, — тѣмъ искусствомъ лицедѣйствовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодаго аристократа. Только сѣмѣтъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкими гостемъ“. Но что насть поражало бы непрѣятно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возыпало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одурачимыхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ всѣ тѣмъ же клерикомъ, явившимся въ разнообразныхъ роляхъ,—до того, что, когда ему пришло соперничать за прѣѣжу съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ пановъ, княземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устранилъ соперника съ его дороги и приписывалъ Господу Богу, и „благодарилъ святой маестатъ Божій за его великое провидѣніе (за wielką opatrznosć Bożą Jego Świętemu Majestatowi dziękował)“. Это его собственныя слова.

„Во всемъ его новѣствованіи“ „(говорить о запискахъ Оссолинскаго его біографа)“ „видимъ его постоинно въ (ксенізовскомъ) орнатѣ, и дурно ли, хороши ли онъ поступаетъ, всегда у него Господь Богъ за устахъ“.

Первъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соотвѣтственной оправы. Въ виду угрозъ Османа II завоевать Польшу по Балтийскому морю, чтобы окружить Европу своимъ флотомъ въ соединеніи съ голландскими и пѣмѣцкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ,—надобно было согласить Англію къ противодѣйствію магометанамъ. Органомъ этого соглашенія, былъ избрали блестящій пітомецъ іезуитовъ, и, чтобы его несравненная *grandezza* дѣлала впечатлѣніе, дали ему какимъ-то—выражусь по-польски—*rokałtunem* способомъ громкій титулъ графа Течинскаго. Въ своей сіянющей оправѣ, поражающей высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посолъ оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краснорѣчи. Какъ отецъ графа Течинскаго своимъ честнымъ вмѣшательствомъ примирялъ враждебныя партіи даже во время конференціи, такъ наружность, ораторская позы и декламація сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднійшее время, поднимался онъ съ места въ законодательномъ събраніи, самые сварливые люди умолкли ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ, царствуетъ словомъ (*ille regit dictis*)“, говорили о немъ приверженцы. „Обезоруживаетъ умы и сердца (*animos et pectora impinguat*)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всѣмъ разномысліи своемъ, и торіи и виги заслушались цицероновской латыни посла красавца. Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ трономъ, восхищенный Іаковъ повелѣлъ напечатать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и пѣмѣцкомъ языкахъ.

Такъ и должно было быть. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигалъ истинно іезуитскіи слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое уладительное и имѣть грандиозное слово, въ декламаціи же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. Но грустное впечатлѣніе дѣлаетъ шынѣ та часть рѣчи польского посла, въ которой онъ изобразилъ, какако предстоитъ опасность всей Европѣ, и паниче Англіи, въ случаѣ паденія Польши. Эти слова, впущенные блестящему оратору его паціональнымъ высокомѣріемъ, выслушивались въ то время, какъ пѣчто разумно, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселеній. Такое же впечатлѣніе производить и торжественный, пышный, преисполненный почтенія къ Польшѣ приемъ посла езъ самого появленія его на англійской территории. То была горькая иронія таъ называемаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей человѣчества.

Торжество политического витія польского въ Англії было полное. Но Іаковъ I отвѣтительно недалекой уже англійской революціи былъ то, чтѣ Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвелісты, пуритане, озабочивали его не менѣе, какъ и будущіе хмельнисты, козаки, тревожили современаго ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польскорусскихъ правителѣственныхъ людей, сенаторовъ и земельныхъ пословъ, созданный іезуитами государственный человѣкъ не имѣлъ большаго между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которую львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ староствъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но сдѣлкѣмъ мало для человѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью стараго короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подсарбіемъ, чѣ, при его выработанной въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владиславова надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держалъ Оссолинскаго въ почти полномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, взыншася медленно, заставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ падворнаго подскарбя, то есть министра двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престолъ сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его приватнымъ министромъ. Новый король осыпалъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковскаго собора, и бидгоское староство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польши. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, замѣтесованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умопоженія благопріятелей новаго вѣльможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добра королевскими добрами, называвшимися Смердию и находившимися въ его „державѣ“. Нодобна мѣна всегда составляла выгоду частного лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственныи интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидимому несовмѣстимыя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, разновѣрческая. Пытая противоположныи надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для разновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутацией въ католическомъ свѣтѣ,—на днѣ его души таилась польская *privata*, поддерживаемая *брачниками* Лезуса въ польскихъ можно-владникахъ весьма старательно.

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ миловавшаго царствованія. Но его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ нелюбовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религіозную *терпимость*, но и религіозное *согласие*. Предполагалось привлечь къ дѣя-

тельному участію въ предпріятіяхъ короля и протестантовъ, и державшихъ съ ними за руки православниковъ важными уступками въ ихъ домогательствахъ, только эти уступки падлежало сдѣлать такимъ способомъ, который бы успокоилъ негодованіе католической партіи и самого папы. Въ проведеніи такого неудобопопятнаго для насыщенно-политического проекта Оссолинскій выросъ во всю высоту своего златворнаго генія, въ которомъ проявился оіезуїтъ, геній самой Польши.

Желая возвратить своему дому протестантскую Швецію, новый король обѣщалъ не ограничивать свободы польскихъ диссидентовъ никакими мѣрами; а намѣревалъ объявить свои права на московский престолъ, привлекать онъ къ себѣ дизунитовъ. Между тѣмъ первенецъ новой династіи московскихъ государей, пользуясь промежуткомъ безкоролевья въ Польши, возвратился отнять у нея старыя ворота своего царства, Смоленскъ. Польскихъ патріотокъ тревожило опасеніе, какъ бы Москва не привлекла къ себѣ малорусскихъ православниковъ, которыхъ они воображали солидарными въ ихъ національныхъ и общественныхъ интересахъ. Перемиріе со Шведами истекло уже. Въ случаѣ новой войны, боялись, какъ бы Шведы не нашли себѣ доброжелателей въ Королевской Республике. При такихъ обстоятельствахъ, правительственные паны-католики, въ безкоролевное время, были принуждены къ уступкамъ диссидентамъ и совершили предоставили новому королю успокоеніе „схизматиковъ“, какъ называютъ Поляки православныхъ и нынѣ.

Въ качествѣ воина, король дѣйствовалъ искренно, то совѣтники и руководители его, во главѣ которыхъ стоялъ Оссолинскій, основывались на іезуїтскомъ правилѣ, по которому въ присягѣ слова и *намѣренія* могутъ быть и не одипаковы, такъ что, кто передъ Богомъ обѣщаетъ исполнить данное слово, но въ то самое время вознамѣрился не исполнить его, того присяга не обязываетъ ни къ чему. Когда Владиславъ произносилъ торжественную присягу—ввести въ самую жизнь то, чтѣ обѣщать диссидентамъ и православникамъ ревностній католикъ, литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Станиславъ Радивіллъ, *) присутствуя при этомъ официально, шепнулъ ему на ухо: „Не можете ваша королевская милость имѣть этого въ *намѣреніи*“; на чтѣ король

*) Это древнерусское имя писали еще по-русски въ XVI-мъ столѣтіи (авторъ Боркулабовской Хроники) и въ XVII-мъ (Кулаковъ, Самовидецъ). Я пишу его по-русски въ XIX-мъ.

отрѣчалъ честно: „Кому присягаю устами, тому присягаю и чамѣтъ ренiemъ“.

Слова Радивила служать историку ключемъ къ объясненію дальнѣйшихъ дѣйствий католической партіи, представляемой въ своемъ лицѣ Оссолинскимъ.

Зная обнаруженнное этими словами правило, папскій пунцій тотчасъ успокоился на счетъ сдѣланныхъ схизматикамъ уступокъ, лишь только ему сказали, что уступки вынуждены временною необходимости, въ видѣхъ войны съ Москвою; что король обѣщалъ вести унию инымъ, болѣе прочнымъ способомъ; что отправитъ къ папѣ посольство для объясненія своихъ дѣйствій, и не только общастъ ему привести на лоно католической церкви польскихъ схизматиковъ, но и Шведовъ, и Москву, противъ которой идетъ воеватъ, повергнеть къ ногамъ святаго отца. Собственно королю нужно было не позволеніе, а молчаніе Римской Куріи, потому что католическая партія была довольно сильна для того, чтобы всѣ плакали его рушились, еслибы папа объявила свое несогласіе на тѣ пункты перемирия съ иновѣрцами, въ которыхъ присягнула король.

Существовалъ въ Польшѣ обычай—по волшествіи на престолъ нового короля, посыпать въ Римъ посольство для засвидѣтельствованія Апостольскому престолу государственной подчиненности, которую Поляки гордились, какъ ревностнѣйшіе изъ всѣхъ воителей подъ знаменемъ Св. Креста. Теперь надо было сиарядить посольство, какъ для оправданія сдѣланныхъ иновѣрцамъ уступокъ, такъ и для другихъ, менѣе важныхъ для короля дѣлъ, изъ которыхъ особенное вниманіе русскаго историка обращаетъ на себя ходатайство шляхты передъ святымъ отцомъ о пріостановлѣніи перехода папскихъ, иначе земскихъ, имущестъ въ руки духовенства.

Уже четыре короля старались пріостановить это зло, угрожавшее Польшѣ, по словамъ самихъ католиковъ, польскихъ, обратить ее въ „духовное государство“. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III особенно усилился зловѣшній переходъ свѣтскихъ имущестъ къ духовенству; на другихъ же имѣніяхъ отготвлены также долги, что много богатыхъ землевладѣльцевъ было вытѣснено духовными людьми изъ имѣній, а сыновья ихъ „принуждены были жить среди козаковъ“. Папскій пуштіямъ, резидовавшимъ въ Польшѣ, представлялась уже возможность—„въ короткое время обратить въ католичество всю русскую шляхту, а за нею мыщанъ и мужиковъ, безъ всякихъ увѣщаній, однѣмъ тѣмъ, чтобы всѣ 23.000 дигнтарствъ и бенефицій, находившихся въ распоряженіи короля, раздавать однимъ только духовнымъ“?

Посломъ въ Римъ былъ избранъ человѣкъ, пользующійся довѣріемъ не только такихъ паповъ, какіе воззвели на митрополію Петра Могилу, но и такихъ, какіе стояли за спиной у литовскаго канцлера, когда онъ испекъ королю достопамятное слово о *намѣреніи*. Самые іезуиты надѣялись, что имъ, какъ ордену полуусѣтскому, Течинскій графъ, помимо орденовъ монашескихъ, исходатайствуетъ разрѣшеніе святаго отца на обращеніе шляхетскаго сословія въ безземельниковъ. Но у нихъ, сверхъ того, была сице тяжба съ Krakовской Академіей, которую они тѣсили своими школами. Онк и здѣсь возлагали надежду на своего питомца, такъ точно какъ надѣялись на него и академики.

Въ качествѣ великаго посла, Оссолинскій воспользовался вывесными изъ Москвы сокровищами коронного скарба, для того чтобы явиться передъ Западною Европой представителемъ „величайшаго изъ монарховъ Сѣвера, короля польскаго, шведскаго и царя московскаго“. Нагляднымъ представлениемъ могущества своего монарха и своею собственою пишностью ему надо было облегчить себѣ достижениe предположенной цѣли въ томъ городѣ, „гдѣ“ (по замѣчанію самихъ Поляковъ) „богатымъ я сильнымъ рѣдко въ чёмъ отказывали“. Но, такъ какъ богачемъ онъ всѣ-таки не былъ и „денегъ напрасно тратить не любилъ“, то въ приготовленіяхъ къ своему посольству долженъ быть прибѣгнуть къ соображеніямъ, свойственнымъ его изворотливости.

Прежде всего подобралъ онъ себѣ „дворянъ“, отличавшихся музыкальною красотой, богатствомъ и образованностью, изъ которыхъ бы каждый представлялъ съ такимъ достоинствомъ особу посла, своего пана, съ какимъ онъ самъ—особу короля, и чтобы, видя ихъ, можно было сдѣлать выгодное заключеніе обо всѣй шляхтѣ. Зная, съ какимъ великолѣпіемъ появлялись въ Римѣ посольства французскія, постановилъ онъ: „чтобы то, что у нихъ было изъ серебра, у него было изъ чистаго золота,—что у нихъ изъ золота, то у него изъ драгоценныхъ камней,—что у нихъ изъ драгоценныхъ камней, то у него изъ діамантовъ“. А для того стѣнило только взять изъ коронного скарба на показъ все блестящее да истратить соответственно незначительную сумму на выставку,—и глаза Римлянъ будутъ ослѣплены. Кортежъ его состоялъ изъ 300 людей, 20 экипажей, 30 верховыхъ коней, 10 вьючныхъ верблюдовъ и соотвѣтственного количества загруженныхъ всячимъ добромъ брикъ. Все это было распределено и построено съ такой глубокой обдуманностью, для пораженія Римлянъ изумлѣніемъ, съ какимъ гениальнѣйшій воинъ ведетъ въ огонь свои побѣдоносныя волонты. Въ довершеніе дешеваго эффекта, Оссолинскій везъ

папъ людшинную грамоту Константина Великаго, которою Константина подарили церкви города Римъ. Грамота эта, по завоеваніи Турками Константиноополя, едѣлалась достояніемъ казны московскихъ царей, а по взятіи Москвы великимъ Русиномъ Жуковскимъ, попала въ польскія руки: „драгоценный подарокъ для папы и славный для Польской націи“, какъ пишутъ Поляки.

Въ то самое время, когда Оссолинскій дивилъ представителей католической Европы театральнымъ великолѣпіемъ своей обстановки, получено было въ Римѣ изгѣстіе о торжествѣ короля Владислава надъ московскою ратью подъ Смоленскомъ. Это событіе вдохновило польскаго оратора такою громозвучностью, хвалебиою для короля и папы, а порицательного для Москвы, что святой отецъ тутъ же сказали своему камерленго:^{*)} „И Цицеронъ не говорилъ бы лучше“.

Слушали латинскую рѣчь Оссолинскаго послы французскій и другихъ католическихъ государствъ. Было что слушать имъ. Представитель могущественнѣйшаго монарха Съвера привѣтствовалъ главу западной церкви такими напримѣръ словами:

„Сколько ни есть народовъ, покрывающихъ Съверъ Европы на широкомъ пространствѣ отъ Карпатъ до Каспійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, всѣ они, въ лицѣ моего монарха Владислава, преклоняются нынѣ предъ престоломъ твоимъ, святый отче: ибо всѣ тамошніе народы—или принадлежать его маestату по праву наследственному, или же, покоренные оружиемъ, признаютъ его повелителемъ своимъ“.

Національное самохвальство польского посла находило въ Римѣ полное сочувствіе, когда онъ говорилъ: „Оттоманскій полумѣсяцъ, разрушившій столько городовъ укрѣпленныхъ, перепагнувшій столько непроходимыхъ пропастей и быстрыхъ рѣкъ, истребившій столько христіянскихъ поселений, останавливаетъ Поляки голою грудью. Что татарская свирѣость не разлилась по всей Европѣ, этимъ обязана Европа одной Рѣчи Посполитой. Многократно побѣдили мы Москалей, христіанъ только именемъ, самимъ же дѣломъ и обычаемъ горшихъ изъ всѣхъ варваровъ,—побѣдили, и паконецъ прекраснѣйшую часть ихъ областей обратили въ нашу провинцію... Узриши еще, съ помысломъ Божіимъ, передъ своею столицей и одичалыхъ скандинавскихъ львовъ, присмирувшихъ подъ могучей рукою Владислава; узриши

передъ собой отступниковъ общаго пастыря, и затвориши ихъ въ очарыѣ своей“, etc. etc.

Чтобы заручиться помощью самовластией олигархіи въ великихъ предприятияхъ короля своего, проектировалъ Оссолинскій еще прежде союзъ католическихъмагнатовъ подъ фирмой рыцарскаго братства Безпорочнаго Зачатія. Это братство должноствовало состоять изъ 48 членовъ, возвышенныхъ папою въ княжеское достоинство и обязанныхъ повиноваться въ войнѣ съ невѣрными великому магистру, польскому королю. Папа, чрезъ своего пунцы, общалъ дать санкцію проекту Оссолинскаго, который, служа мечтательнымъ видамъ Владислава, въ то же самое время представлялъ Римской Куріи новый способъ обладанія Польшею въ лицѣ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ ея олигарховъ. Теперь, восхищенный послемъ и посольствомъ, памѣтицѣ Христа утвердилъ Братство Безпорочнаго Зачатія, и далъ Оссолинскому титулъ римскаго князя. Зато же и рамскій князь уверялъ Христова памѣтица, что въ Польшѣ „весь сеймъ, сенатъ и народъ больше заняты борьбою за религию съ согражданами своими, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества“.

Но тутъ Оссолинскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ обольщеніи властителей земли: основавшись на его увѣреніи, папа не поступилъ ниоднимъ епископствомъ и ниоднимъ храмомъ изъ той добычи, какую получиль въ польской Руси чрезъ посредство измыслинной іезуитами унії. Наряженая имъ конгрегація изъ 4 кардиналовъ, 4 предатовъ и 4 ученикѣйшихъ геологовъ, послѣ пятнадѣльного взвѣшиванья этого вопроса на католическихъ вѣсахъ, не могла найти никакого способа, которымъ бы Апостольская Столица могла принять самомаѣйшее участіе въ возвращеніи схизматикамъ ихъ предковской собственности. Оссолинскій добился того, что папа запретилъ монашескимъ орденамъ въ Польшѣ приобрѣтать земскія имущества (однакожъ фактически оказалось это невозможнымъ), добилеъ своимъ истинно іезуитскими уловками, черезъ самихъ же іезуитовъ, и того, что іезуитскія школы, основанныя въ Краковѣ вопреки привилегированной королями Краковской Академіи, были закрыты; но вопросъ уніатскій де ѹже остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при Сигизмундѣ III.

Такимъ образомъ то, для чего собственно Ѵзидиль Оссолинскій въ Римъ, послужило только къ его славѣ среди толпы, стекавшейся со всего свѣта въ столицу католичества, и къ его возвышенію въ глазахъ людей, цѣнящихъ заслуги по тигуламъ. Возвращаясь въ отчество черезъ Флоренцію, Венецию и Вѣну, онъ бытъ принимаемъ

^{*)} Это званіе носить при дворѣ папы кардиналъ, управляющій юстиціей и финансами. Послѣ смерти папы до избрания новаго, камерленго управляетъ папскимъ царствомъ.

точно владѣтельный потешатъ, и осыпаемъ беззрѣйными подарками; а Фердинандъ II австрійскій вручилъ ему на прощаніе дипломъ, ко- торымъ княжеское титло, присвоенное имѣніемъ Оссолинскаго, сдѣ- лалось принадлежностью, какъ его особы, такъ и его потомковъ; Фердинандъ называлъ его княземъ Римской Имперіи. Латинскимъ языкомъ различие между двумя титулами выражалось такъ: *Princeps Ossolinski, Dux in Ossolin.*

Возвратясь въ отчество, Оссолинскій получилъ въ награду обшир- ныя имѣнія въ завоеванной королемъ Сѣверіи, въ которыми пришумѣлъ еще Баторицъ съ его окрестностями и Конотопомъ. Теперь онъ былъ вполнѣ магнатъ, или то, что Полькоруссы называли *на всю чубу панъ.*^{*)} Но король быть имъ недоволенъ; іезуиты обидѣлись; духовные и свѣтскіе мажновладчики завидовали; шляхта видѣла свои надежды обманутыми, а его титулами была разогорчена.

Всего досадиѣ шляхты было то, что Оссолинскій не привезъ изъ Рима запрещенія *всему* духовенству приобрѣтать земскія имущества.^{?)} Уже давно ходили въ Польшѣ тревожные толки, что духовенству при- надлежитъ въ Королѣ болыше имѣній, нежели королю и дворянству. Въ недавнее время некоторые монашеские ордена, путемъ судебныхъ, обязательствъ, получили въ Великой Польшѣ по 15, 20 и 30 селъ, а подъ нашимъ Львовомъ католическое поповство и монашество при- обрѣло покупкой столько имѣній, что „еслибы надобно было выбрать подсудка, то пришлось бы выбирать монаха или монахию“. Лучшіе изъ католиковъ были такого мнѣнія, что „беззрѣйное расширеніе цер- ковныхъ имуществъ затрудняется согласіе между сословіями свѣтскими и духовными, помогаетъ возрастанию еретичества, подкапываетъ ры- царство и грозить католической церкви презрѣніемъ, а отечеству руинами... Могутъ наступить такія времена“ (говорили многіе), „когда шляхта не будетъ въ состояніи и даже не захочетъ оборонять духо- венство: тогда еретики возьмутъ себѣ все“.

Но, винувши козла въ огородѣ еще тогда, когда нѣвѣжество мѣшало знать его свойства, шляхта не знала теперь, какъ положить предѣлъ сго вредоносности. Въ облегченіе „сословія рыцарскаго“, хотѣли стѣснить церковную собственность разными обязательствами; „Рѣчь Посполитая“ (твѣрдили поумѣніе вонще люди) „окружена со всѣхъ сторонъ грозными непрѣятелями. Шѣть у нея другихъ крѣпостей, кроме шляхетскихъ пороговъ. Шляхтичъ долженъ приготовлять сыновей

къ военной службѣ, покупать вооруженіе, держать на готовѣ коня, отбывать военную службу на собственномъ содержаніи, идти на по- сполистое руженіе и почти всегда винуться въ долги, при этомъ оставлять хозяйство, во время похода нести значительныя траты, издер- живаться на воспитаніе дѣтей, давать приданое дочерямъ. На его головѣ лежать пожертвованія, монашеские ордена, замиси костеламъ, содержаніе каплицъ и гробницъ, церковные расходы, десятина, ли- тургійная плата (*meszne*), зерновая десятина (*małdraty*), выкупъ пѣчи- никовъ, сеймикованье, трибуналы расходы, воинные смотры. Духовные же никакихъ издержекъ не несутъ, и потому обростаютъ не- рѣмѣ, скопляютъ деньги и скапулюютъ шляхетскія имѣнія. Было бы сираедиѣ, чтобы они отъ своего достатка удѣляли шляхтѣ, а не отъ шляхты приобрѣтали добра, которыхъ должны испарушимо пер- ходить изъ рыцарскихъ рукъ въ рыцарскія, чтобы и Рѣчь Посполитая, и костелы оставались цѣлыми... Республика—хозяйка у себя: *можетъ она воспретить всенамъ и монахамъ приобрѣтеніе шляхетскихъ иму- ществъ*“.

Много было всяческихъ пререканій со стороны противниковъ и защитниковъ духовенства. Защитники успокаивали шляхту закономъ 1607 года, по которому духовнымъ нельзѧ ни приобрѣтать свѣтскихъ маѣтностей, ни держать ихъ за собой пожизненно. Противники отвѣ- чали, — что „этого закона невозможно привести въ исполненіе по причинѣ могущества духовенства, которое не признаетъ его. Да его легко и обойти, потому что, хотя бы законъ и ангелы писали, а дьяволъ въ немъ лазейку найдетъ. Вотъ пана запретить монахамъ приобрѣтать имущества, а монахи твердѣть, что подъ предлогомъ милостиши (*jałnizn*) приобрѣтать дозволено“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1635 года было запрещено *всему* духовенству приобрѣтать земскія имущества. Но сеймовыя по- становленія часто оставались въ Польшѣ мертвою буквою. Духовные органы Сейма, еписконы, отстаивали сильно свое полное обладаніе жалкими Шляхетскими Народомъ, и только юридически не устояли противъ соединенныхъ усилий шляхты.

Король, будучи въ согласіи съ антиклерикалами, настоялъ и на томъ, чтобы сеймъ, не взирая на папу, подтвердилъ его примиреніе съ малорусскими противниками унії.

Въ этомъ случаѣ безсилѣ общественнаго мнѣнія въ Польшѣ, ко- леблемаго во всѣ стороны, выразилось тѣмъ, что маршаломъ Посольской Избы выбранъ былъ не кто другой, какъ тотъ же, недавно всѣхъ огорчившій Оссолинскій, и онъ-то, главнымъ образомъ, содѣствовалъ

^{*)} Взято съ польского рага *cała gęba* (*гѣба*—рать).

сеймовому постановлению относительно юридического спасения шляхты отъ стяжательности духовенства.

Но зато его великомысленный проектъ о титулахъ, сопровождаемыхъ испанцемъ орденского креста на золотой цѣни, подложенной лентою,— проигралъ, за который ухватился Владиславъ для подкрепленія своего ничтожнаго монархизма, сеймующая шляхта отвергла рѣшительно, для сохраненія своего гражданскаго равенства, надобно помнить, только поминального.

Съ тѣмъ же упорствомъ стояло законодательное собраніе и противъ войны, которой жаждалъ король, мечтая возвратить отчизну предковъ своихъ, Шведское Королевство, и достояніе казаконианскаго оружія, престолъ панихъ Рюриковичей, занимаемый уже 23 года Романовыми,—возвратить съ тѣмъ, чтобы соединенные силы трехъ монархій обратить противъ Туровъ, а въ концѣ концовъ—обезсмергить себя завоеваніемъ Гроба Господня.

Добиваясь выигранаго и высшаго положенія въ государствѣ, Оссолинскій поддерживалъ рыцарскую мечтательность короля, и въ то же самое время комбинировалъ всевозможныя события въ пользу всемирнаго владычества римскаго папы. Въ 1638 году онъ былъ наименованъ короннымъ подканцлеромъ, а въ 1645-мъ—короннымъ великимъ канцлеромъ. Восходя со ступени на ступень, онъ, подобно многимъ счастливцамъ того времени, вѣровалъ въ свою звѣзду, ворочаясь весь законодательный собраніемъ, смотрѣть на него сверху внизъ, и дешель до того, что произносилъ передъ соединенными Посольскою и Сенаторскою Избами такія слова, которыя, по выражению его биографа, были „дерзкими прелебраженіемъ всего законодательного собранія“. Но этимъ-то и братье онъ у короля, который постоянно боролся за монархическая права свои съ сеймовыми представителями папской республики. Въ 1639 году, изъ-за его открытой наглости противъ маршала Посольской Избы, государственный сеймъ былъ что называется сорванъ. Но собственнымъ словамъ Оссолинскаго, онъ „карабкался выше и выше по скаламъ, и преодолѣлъ самую фортуру“. Не мудрено, что такой фаталистъ политической интриги былъ вдохновеніемъ рыцаря-короля, и держалъ его до конца подъ своимъ патронатомъ взіяніемъ.

Едва ли не самимъ лукавымъ, иначе—самымъ глубокимъ, дипломатическимъ замысломъ Оссолинскаго было созданіе въ Польшѣ малорусскаго патріархата, напрасно приписываемое Владиславу. По пословицѣ ехъ чище леонемъ*), оно похоже больше на изворотливаго

высокочку-магната, нежели на простодушнаго воина-короля. Еслибы удалось Оссолинскому облечь Петра Могилу патріаршимъ саномъ, то этимъ самымъ была бы расторгнута историческая связь польской Руси съ Востокомъ, следовательно и съ Русью московскою, упія съ западною церковью совершилась бы сама собою, и тогда бы оправдалось таинственное обѣщаніе короля, что онъ устроить новую унию, болѣе прочную и могущественнуу, нежели Брестская, которую нарушилъ онъ ради того же Петра Могилы. Одинъ пана, но не кіевской митрополитъ, какъ у насъ думаютъ, былъ пренятствиемъ къ созданию малорусскаго патріархата, который разлучилъ бы павсегда двѣ русскія пародности, и сдѣлать бы въ исторіи римской церкви имена Оссолинскаго и Петра Могилы одинаково великими. Для сохраненія церковной традиціи во всей непарунимости, святой отецъ неумышленно погубилъ Польшу и, на вѣчное горе своихъ поклонниковъ, спасъ отъ исчезновенія въ польскомъ элементѣ Малороссію.

Кстати замѣчу здесь, что въ Римѣ вовсе не понимали, какъ стоять у насъ униатское дѣло. Находя немыслимымъ утвердить малорусскій патріархатъ, пана находилъ возможнымъ для Петра Могилы и его пріятеля, Адама Бисѣля, среди тогдашнаго смятія малорусскихъ умовъ, объявить себя католиками. Въ 1643 году онъ, звѣзъ своими письмами того и другаго на постѣ римской церкви.

Да, король былъ воинъ, а не политикъ. Вопреки пріемамъ Оссолинскаго, который, съ именемъ Господа Бога на устахъ въ добрыхъ и злыхъ поступкахъ, всегда действовалъ такъ, что и козы были сыты, и сѣно цѣло, онъ прослыпалъ въ Римѣ „главнымъ онекуномъ еретиковъ и схизматиковъ“; онъ поссорился изъ-за уніи съ папой Урбаномъ VIII, и вооружилъ его противъ себя такъ, что святой отецъ вѣѣль иезуитамъ сдѣлать королевскаго брата, Яна Казимира, членомъ своего ордена, и собственноручно уѣздомилъ о томъ короля. Владиславъ былъ задѣтъ этимъ за живое, и не могъ удержаться отъ слезъ. Надѣло ему наконецъ возиться съ церковными дѣлами. Онъ предоставилъ поповское попамъ, и погрузился въ комбинацію борьбы съ мусульманами во славу своего, можно сказать казацкаго, имени.

Съ осени 1644 года па папскомъ престолѣ, вмѣсто Урбана VIII, сидѣлъ Иннокентій X, отличавшійся дружелюбіемъ къ польскому воинственному королю. Подъ его ласковымъ взіяніемъ, у Владислава ожила съ новою силой мысль объ изгнаніи пріятелей Св. Креста изъ Европы. Осуществленіемъ этой мысли король, очевидно, надѣлся дать иной оборотъ церковнымъ дѣламъ въ Польшѣ. Притомъ же онъ имѣлъ въ виду ниспровѣрнуть имперію Оттомановъ дрѣзъ посредство

*) По котѣмъ узнаютъ льва.

христіянскихъ подданихъ сultана: мечта, сдѣлавшаяся популярною и въ козацкой республиѣ со временемъ пребыванія въ ней Александра Оттомануса, павшаго себя крещеніемъ сultаничесмъ. Поэтому не следовало ему огорчать константинопольскаго патріарха и его Греко-малорусскимъ патрархатомъ, который наиму церковную іерархію привелъ бы прямой дорогой къ „единости“ съ церковью римскою. Да и наиму надобно было по возможности ласкать уваженіемъ церковныхъ традицій, разсчитывая на его денежную помоющ...

Григорій XV помогалъ Сигизмунду III деньгами во все времена войны съ Османомъ II и платилъ ему 10.000 скуди *) ежемѣсячно до конца жизни, для содержания военной силы противъ Турокъ, не считая щедраго пожертвованія, сдѣланнаго кардиналомъ Бамберини. Такой же помоющ ожидалъ и Владиславъ IV отъ папы Иннокентія X. На письмо свое о пособіи получиль онъ отвѣтъ благопріятныи. Папа обѣщалъ помочь Полякамъ, очевидно, въ видѣ подкупа ихъ относительно унії, которая была, какъ сознается польская исторіографія,— „зѣпцией ока католической церкви“. Посылая въ Польшу пущція Торреса, архіепискона адрапонольскаго *in partibus infidelium*, то-есть титулярнаго или будущаго, папа вслѣдъ ему дѣйствовать по предмету соединенія церкви тайно даже отъ короля и примаса **), открывалъ во всемъ только тремъ лицамъ, Оссолинскому, Селинѣ и Терлецкому, которые должны были наставлять его, какъ поступать съ примасомъ, чтобы онъ помогъ у короля и стоялъ за Брестскую унію на сеймѣ.

Этотъ наказъ обнаруживаетъ самъ по себѣ, какого двуличного человѣка сдѣлалъ своимъ наперсникомъ Владиславъ IV въ особѣ канцлера, и чего надобно было ждать отъ королевскаго любимца въ рѣшительные моменты внутренней и вѣнчанной политики.

Оссолинскій придумалъ способъ для открытия военныхъ дѣйствій противъ Турциі бѣть согласія польской палаты депутатовъ, называемойся Посьольскою Избою и польской палаты первою, называемойся Избою Сенаторскою. Король былъ отъ него въ восхищеніи. По плану канцлера, изгѣстное уже намъ постановленіе сената обѣ отказъ Татарамъ въ подаркахъ должно было оставаться во всей силѣ до полнаго собранія па сеймѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Раздосадованные отказомъ Татары не замедлятъ вторгнуться въ польскія границы. Тогда король воспользуется предоставленнымъ ему правомъ

*) Итальянская монета scudo цѣнилась въ 5 франковъ 35 сантимовъ.

**) Вспомнимъ, что и въ Наливайково время примасъ чуждался церковной унії. (См. выше стр. 108 первого тома).

„отвергать отъ государства опасность собственными средствами“, изъ оборонной войны прерѣдѣть въ частупательную и займетъ Крымъ. Турки станутъ оборонять свою Татарію. Панамъ, домогавшійся отъ короля мира, по-чевоѣ придется поддержать честь польского оружія и вторженіемъ въ Турцию предупредить повтореніе Хотинской войны. Обѣщанныя папою деньги, вагѣтъ съ его вліяніемъ на католическую партію, устроить остальное. Таковъ быль, въ общихъ чертахъ, планъ Оссолинскаго.

Пласта, въ своемъ вѣчномъ разладѣ съ папами, желала Тураецкой войны, подобно ся родственникамъ, козакамъ, которые постоянно расходились въ своихъ интересахъ съ богатою и мирною частью населенія Речи Посполитой. Оссолинскій умѣль и дома не хуже, какъ за-границей, направлять умы къ предположенной цѣли; но его задуманная цѣль всегда и для всѣхъ оставалась тайною. Въ качествѣ великаго, то-есть корошаго, канцлера, онъ, въ сеймовой пропозиціи 1645 года, высказался такъ:

„Въ обезпечениѣ украинныхъ земель мы основывались на плащѣ Татарамъ подарковъ, которые они попросту зовутъ гарачемъ. Этотъ вслоду ослабленный стыдъ нашего народа сносили мы еще, пока наша дань утолила въ Ордѣ жажду грабежа и плененія въ Польшѣ. Теперь же, когда весь Крымъ сдва не обратился въ разбойничій вертепъ тѣхъ, которые увозятъ наши подарки, король предполагаетъ вамъ па размышленіе: хотите ли оставаться въ такомъ посрамлѣніи, платя за собственныя утраты, или же, уповая па милость Божію, па до-знающе счастье и доблесть нашего монарха, па пламенную готовность всіхъ служить отечеству и па мужество войска, желаете поступить, какъ велить намъ.— пеизвращенія слава нашихъ народовъ, безопасность нашихъ братій, достоинство шляхетской крови и, паконецъ, свобода столькихъ душъ, кровлю Спасителя нашего искупленыхъ, приводящая къ языческимъ галерамъ па гибель христіанства. Не хочетъ его милость король отдавать па страшномъ Божіемъ судѣ отчетъ па такомъ множествѣ своихъ подданихъ, отуреченныхъ, Божіе имя ругающихъ; не желаетъ онъ также кровавыхъ слезъ, взывающихъ къ Богу о миції и проливающихъ небеса. Готовъ онъ вѣреныхъ ему людемъ заслонить отъ ихъ несчастья собственою грудью и тамъ искать свободы, откуда приходитъ неволя“.

Польско-руssкіе магнаты, при всей своей гордости, можно сказать, царственной, издавна привыкли продавать королямъ свои услуги па диптиарства и пожалованія. Владиславъ задобрилъ представителя когда-то православныхъ Острожскихъ, Доминика, князя на Острогѣ т. п.

Заславского, литовского подканцлера Льва Солигу, Юрия Скумина Тишковича, Еремию князя Винневецкого, Ивуша Радивила, а въ томъ числѣ и фактора продажи, Юрия Оссолинского, раздачею—кому воеводства, кому гетманства, кому города, кому богатаго староства. Прочие „дуки“ польской олигархіи должны были ждать и дослуживаться такой же раздачи. Но кромѣ диптиарствъ и королевщины, у Владислава въ рукахъ были еще римскіе скуды, которые было предположено дѣлить между пособниками Турецкой войны. Побѣдитель московской рати покупалъ у пановъ, подъ видомъ помощи, коеческое изволеніе выступить на новое поприще воинной славы, и фактическіе государи Польши обѣщали явиться къ титуларному королю своему съ контингентами, какъ союзники. Когда Татары будуть отражены и прогнаны, въ чёмъ, послѣ Охматовскаго пораженія, не сомнѣвался никто; побѣдители „на ихъ шеяхъ“ вѣдутъ въ Крымъ; но то будетъ уже не войско Рѣчи Посполитой, а *хоругви польскихъ пановъ*: различіе, съ польской точки зреінія, существенное. Всѣмъ будетъ казаться, что воюетъ не король, не Королевская Республика, а Заславский, Радивиль, Винневецкий и другіе по собственной волѣ (на swoja gęckę), безъ вѣдома и дозволенія короля въ отмщеніе за татарский побѣгъ на ихъ гладнѣлѣ. Этими де способомъ крымскіе ханы вѣразъ высыпали въ Польшу своихъ мурзъ; не одинъ разъ и Порта, повелѣвъ хану вторгнуться въ Украину, оправдывалась потому, что случилось это безъ ея вѣдома. А чтобы Турки не помогли Татарамъ, козаки, съ изволеніемъ короннаго гетмана, пойдутъ на Черное море и не допустятъ галеръ турецкихъ въ Крымъ.

Въ ожиданіи польскаго отвѣта касательно 500.000 скудовъ ежегодно на два года, король поставилъ отдать Москву городъ Трубчевскъ и звать ее къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Татаръ, а изъ Турціи пріедѣть къ нему извѣстіе, лишь только загорится война съ Венецией.

Веда свои дѣла по обдуманному такимъ образомъ плану, король могъ обойтись безъ постановленія сейма. Довольно было для него—согласія обоихъ канцлеровъ, короннаго великаго гетмана да нѣсколькихъ первенствующихъ пановъ.

Весною 1645 года ожидаемая Турко-Венецианская война всپыхнула, и въ концѣ апрѣля турецкій флотъ въ 348 кораблей везъ уже сильное войско, сухопутное и морское, для завоеванія острова Крита, считавшагося оборонитами воротами Венеции.

Съ другой стороны ханъ Исламъ-Гирей, не получивъ гарача и сѣѣдавъ обѣ универсалахъ, которыми король побуждалъ свою Республику къ войнѣ съ Татарами, просили у турецкаго султана такъ назы-

ваемаго эмира, то-есть дозволенія вторгнуться въ Польшу со всѣми крымскими, ногайскими и буджацкими ордами.

Султанъ подозрѣвалъ волошскаго господаря въ невѣрности, боялся, чтобы король не поддержалъ его и не соединился съ Москвою противъ Татаръ, какъ обѣ этомъ носился уже слухъ въ Турціи. Въ іюль прислали онъ хану просимый эмиръ.

Король спокойно вызывалъ татарскій набѣгъ, такъ какъ недавно получалъ извѣстіе, что новый ханъ не совладаетъ съ собственными подданными. Трудно было предвидѣть, что султанскій узникъ, освобожденный по прихоти полупомѣщанаго деспота, разыграетъ вмѣстѣ съ завзятымъ козакомъ столь важную роль въ пользу московской царственности, какую готовился разыграть интриганъ канцлеръ съ посланнымъ ему королемъ въ пользу всемирного владычества римскаго папы. Но Исламъ-Гирей былъ не таковъ, какимъ воображали его въ Польшѣ.

Ориенталистъ Гаммеръ-Пургшталь разсказываетъ, что, привезеній изъ заточенія на островъ Родосъ въ Стамбуль, не зналъ онъ, чтѣ его ждѣть, и быль принятъ грознымъ въ своемъ полуизступленіи султаномъ шадъ кунальней (въ іюнѣ 1644). „Смотри, Исламъ“, (сказалъ полураздѣтый Ибрагимъ) „я сѣѣлъ тебѣ ханомъ. Отныне будь другомъ друзей моихъ и врагомъ враговъ моихъ. Кроме моего слова, не слушай никакого другаго. Сколько тебѣ лѣтъ?—„Сорокъ“ (отвѣчалъ новопареченный ханъ). Но хотя только-что началь я садиться на сѣѣло, надѣюсь править моимъ боевымъ конемъ хорошо на службѣ падишаха“. Тутъ на него накинули соболью шубу, опоясали дорогой саблею, и царственный Гирей, гордый впущеніемъ султана, обратился къ великому визирю съ такими словами: „Такъ какъ вы сѣѣлъ меня ханомъ, то надѣюсь, что будете поступать по моимъ просьбамъ и не станете давать мнѣ паказовъ, обращаться съ первѣрными. Между мной и вами сабља“. „Да править Аллахъ тобою! мы не будемъ въ это вмѣшиваться“, отвѣчалъ визирь.

Прибывши въ Крымъ, Исламъ-Гирей обезглавилъ своихъ враговъ, отирали въ Польшу пословъ за гарачемъ, а часть матежной Орды послалъ въ Москвию, подъ предводительствомъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Полякъ Свидерскій, котораго Татары звали Саусъ. Но спокойствія въ Крыму новый ханъ возстановить не могъ. Сторонники бывшаго хана ушли на Буджаки, и ждали возвращенія своихъ изъ похода, чтобы низвергнуть Исламъ-Гирея. Видя грозящую опасность, испросилъ онъ у султана эмиръ, по которому всѣ орды должны были идти подъ его бунчукомъ въ Польшу.

Извѣстіе объ этомъ могло прйті въ Варшаву не раньше половины юла 1645 года. Орда обыкновенно набѣгала въ началѣ января, если не по первой травѣ; оставалось полгода на приготовленія къ отпору.

Король тотчасъ послалъ новеллье строить чайки, чтобы весною 1646 года, въ отмѣніе за „неожиданный“ набѣгъ Татаръ, онъ могли появиться на морѣ; коронному великому гетману велѣлъ (въ августѣ) написать къ визирю, что если Татары осмѣятся вторгнуться въ Польшу, то онъ покроетъ Черное море козацкими чайками; воеводѣ Мстиславскому приказалъ отдать немедленно Трубчевскѣй царю, а послу своему въ Москвѣ вслѣдъ предложить ему союзъ для соединенія вооруженныхъ силъ обѣихъ державъ противъ Татаръ.

Недавно наследовавшій своему отцу молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, назначилъ въ Варшаву великихъ пословъ съ наказомъ трактовать съ королемъ о войнѣ съ Татарами.

Одновременно съ вѣстю о близкому вторженіи Орды прибылъ въ Польшу венецианскій посолъ Джованни Тьеполо съ просьбой о помощи Венеціи. Именно просилъ онъ, чтобы король, для разъединенія турецкихъ силъ, новеллье козакамъ идти на море и выжечь на побережьяхъ заготовленный лѣсъ и галеры, которыя строили изъ него Турки.

Владиславъ зналъ этого венецианца, какъ пріятнаго человека, еще во время своего путешествія по Европѣ. Потомъ Тьеполо прѣѣзжалъ въ Польшу посломъ и ознакомился съ этимъ государствомъ. Джованни Тьеполо былъ представитель одной изъ древніхъ и знатнѣйшихъ венецианскихъ фамилій: предокъ его былъ дожемъ; а знатность рода Поляки цѣпили выше всего.

Владиславъ слушалъ послы весьма благосклонно; обѣщалъ употребить всю свою власть и „новагу“ для того, чтобы какъ можно скорѣе угодить Венеціи; сожалѣлъ, что наступающая зима не позволяетъ козакамъ идти на море, и при этомъ сказалъ, что долженъ еще посовѣтваться съ короннымъ гетманомъ и съ канцлеромъ.

Оссолинскій также выразилъ свое усердіе: скретно уведомилъ послы, что король готовить войну противъ Татаръ; что можетъ предпринять ее, не созывая сейма; что послалъ къ папѣ съ просьбой о денежнѣйшей помощи, и теперь ожидаетъ нестерпѣльно прибытія пунція; на конецъ спросилъ дружески: не можетъ ли и Венеція въ предстоящей войнѣ помочь какою-нибудь суммою? Татарская война (говорилъ онъ) принесла бы ей не малыя выгоды. Но Тьеполо отвѣталъ, что не-

имѣеть отъ своего правительства порученія трактовать объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ султанъ Ибрагимъ, испуганный письмомъ Конецпольскаго, послалъ (въ концѣ сентября) къ хану гонца съ повелѣніемъ не вторгаться въ Польшу. Вместо того, позволялъ ему воевать Мокровское Царство.

Папа денегъ не приспалъ, потому что не имѣлъ, а тутъ пришли вѣсти о претерпѣнныхъ Венецианцами пораженіяхъ и неожиданныхъ турецкихъ побѣдахъ. Венецианская крѣпость Канея была взята, а съ нею и весь островъ Кандія, древній Критъ, передовой редутъ Грозила всей Италии.

Это подало канцлеру мысль, чтобы 500,000 скуди, которыхъ король просилъ у папы, заплатили итальянскіе князья вмѣстѣ съ папою, въ видѣ благодарности за помощь Италии въ ея опасномъ положеніи. И потому, когда пунцій и Тьеполо просили его о немедленнѣйшемъ отиракѣ козаковъ на море, Оссолинскій объявилъ, что король, глядя на дѣло Венеціи, какъ на свое собственное, предполагаетъ погодить ей болѣе действительную помощь, нежели козацкій морской походъ, и открыть имъ замыселъ Владислава воевать съ Турцией. Но, такъ какъ наступательной войны король, безъ согласія сейма, предпринять не можетъ, то будетъ вести войну оборонительную, подъ предлогомъ освобожденія государства отъ татарскихъ набѣговъ, изъ чего, очевидно, возникнетъ война наступательная: ибо Турки, будучи вынуждены помочь Ордѣ, тѣмъ самымъ заставятъ Поляковъ дать имъ отпоръ на Черномъ морѣ. Этакъ незамѣтно начнется открытая война, не подвергая короля со стороны сейма упрекамъ въ нарушеніи мира и ломаной присяги. Но на войну съ Ордой и на вооруженіе многочисленнаго войска козацкаго королю пушки деньги, а потому желаетъ онъ, чтобы папа, Венеція и князья итальянскіе въ теченіе двухъ лѣтъ заплатили миллионъ скуди, „съ тѣмъ чтобы подѣлить эти деньги между возможнѣйшими“. Рѣчь свою канцлеръ завершилъ просьбою обдумывать королевское предложеніе и представить его своимъ дворамъ, такъ чтобы это дѣло получило твердое рѣшеніе и конецъ. Съ своей стороны король написалъ въ Венецію и еще однажды къ папѣ.

Тьеполо уведомилъ венецианскій сенатъ о планѣ канцлера, но, должно быть, не очень поддерживалъ его, такъ какъ объявилъ немедленно, что война съ Татарами не подлежитъ рѣшенію Венеціи.

Между тѣмъ пришли въ Варшаву несомнѣнныя извѣстія,—что оба господаря, волоцкій (молдавскій) и мурзянскій (валахскій) по-